

Турбулентность международной среды и контуры миропорядка

Н.М. Сирота, Р.А. Хомелева

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию: 05.04.2023

В окончательном варианте: 23.10.2023

■ Для цитирования: Сирота Н.М., Хомелева Р.А. Турбулентность международной среды и контуры миропорядка // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 5–10. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.1>

Аннотация. В работе раскрыто содержание турбулентности как ключевой характеристики современного состояния международной среды и ее детерминант. Анализируются основные параметры функционирующего мироустройства, обозначены возможные варианты будущего миропорядка.

Ключевые слова: глобальная турбулентность; мировой порядок; международная система; великая держава; полицентризм; биполярность.

Turbulence of the international environment and contours of the world order

N.M. Sirota, R.A. Homeleva

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Saint Petersburg, Russia

Original article submitted: 05.04.2023

Revision submitted: 23.10.2023

■ For citation: Sirota N.M., Homeleva R.A. Turbulence of the international environment and contours of the world order. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):5–10. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.1>

Abstract. The paper reveals the content of turbulence as a key characteristic of the current state of the international environment and its determinants. The main parameters of the functioning world order are analyzed, possible options for the future world order are indicated.

Keywords: global turbulence; world order; international system; great power; polycentrism; bipolarity.

Важнейшей особенностью нынешнего состояния международной среды является нарастание турбулентности, вызываемой комплексом взаимосвязанных причин — обостряющимся геополитическим соперничеством США и Китая, кризисом в российско-американских отношениях, разнонаправленностью действий множества акторов, учащающимися социальными и международными конфликтами, ситуациями хаоса и неопределенности, мировоззренческими противостояниями, распространением настроений растерянности и тревоги. Мир становится все менее предсказуемым и более поляризуемым по линии противоборства демократии с авторитаризмом. Положение в глобальном социуме чревато рисками разрушительных столкновений и требует новых подходов для преодоления напряженности.

Слово «турбулентность» происходит от лат. *turbulentus*, означающего «бурный, хаотичный, неупорядоченный». Его использование указывает на преобладание нелинейных процессов, непредсказуемость событий, нарушения порядка и резкую смену трендов. Слово отражает не только названные объективные деструктивные реалии, но и субъективные (массовый характер настроений безысходности, потери ориентиров, отсутствие видимых путей преодоления бедствий).

Наступление эры глобальной турбулентности прогнозировалось известным американским ученым Дж. Розенау в канун распада СССР. В книге «Турбулентность в мировой политике: теория изменения и преемственность» он предпринял попытку обоснования тезиса, согласно которому в силу действия совокупности разных факторов, порождающих кардинальные сдвиги, миропорядок оказывается в состоянии высокой напряженности. Особенность современной мировой политики, согласно Дж. Розенау, состоит в ее переходности, когда сложившиеся правила игры еще не перестали действовать, а новые еще не начали функционировать в полной мере. Результатом этого процесса является вхождение мировой политики в зону турбулентности [1].

Анализируя такие отличительные особенности турбулентности современной мировой политики, как неопределенность и непредсказуемость, американский исследователь Н.Н. Талей акцентирует внимание на усиливающемся влиянии случайных событий со значительной силой воздействия, в его терминологии «черных лебедей» [2, с. 14]. По его мнению, их роль возрастает с развитием взаимосвязи и взаимозависимости акторов.

В качестве одной из таких важных случайностей, радикально изменяющих существующую ситуацию, нередко рассматривается эпидемия COVID-19, продемонстрировавшая приоритетность выживания человечества по сравнению с базовыми ценностями личности.

Утрата действенности «равновесия страха» как дисциплинирующего фактора поддержания мира не привела к созданию эффективных международных механизмов согласования интересов государств. Существующие же механизмы, сформировавшиеся с середины XX века и видоизменившиеся после холодной войны, плохо приспособлены для выявления, институционализации и реализации общего интереса в обеспечении глобальной стабильности и решении главных мировых проблем — контроля над вооружениями, особенно ядерными, нераспространения ОМУ, подавления международного терроризма и транснациональной организованной преступности, пресечения наркопроизводства

и наркотрафика, предотвращения гуманитарных и экологических катастроф, борьбы с голодом и нищетой.

Вызовы формирующемуся миропорядку носят для человечества экзистенциальный характер и требуют консолидированной реакции разнообразных акторов — от местного самоуправления до глобальных ТНК и руководства великих держав. События последних лет актуализировали вопрос о реформировании международных организаций, прежде всего ООН и ее постоянно действующего органа — Совета Безопасности, на который, согласно Уставу ООН, возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности.

Объективные процессы размывают некоторые устоявшиеся принципы, на которых столетиями зиждился миропорядок. В их числе представление о национально-государственном суверенитете как конституирующем элементе международного права, восходящем к Вестфальскому миру. В условиях растущей взаимозависимости мира просматривается перспектива дальнейшей эрозии этого общепризнанного принципа вплоть до его отмирания.

В рамках действующего международного права ожидаемо обострение коллизий между его основополагающими принципами, обладающими равной юридической силой, — территориальной целостностью государств и самоопределением народов. Усложнение глобальной среды расширяет возможности избирательного подхода к их истолкованию и практическому применению.

Существует определенный консенсус по поводу неприемлемости обретения новых территорий силой, но много споров ведется по вопросу о праве вмешательства внешних сил для предотвращения репрессий и геноцида правительств против своих граждан или невыполнения ими своих обязательств. Подтвержденная на Всемирном саммите ООН 2005 г. концепция ответственности мирового сообщества по защите населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности больше не пользуется единодушной поддержкой стран-членов, которые не способны договориться о том, в каких случаях участие в делах других государств следует считать законным и оправданным.

Девальвация международного права и механизмов его реализации выражается в неспособности адекватно реагировать на современные вызовы и риски, нарушении договорных обязательств, практике «двойных стандартов», что способствует расширению сферы применения силовых методов решения международных проблем и опасному сползанию человечества к доминированию права силы.

В 2020-х гг. все более отчетливо проступают признаки цивилизационного разлома глобального социума. Усиливается тенденция к изменению баланса сил в пользу азиатского ареала. Страны западной цивилизации не смогли предложить миру привлекательную неидеологизированную перспективу развития.

Приближается к биполярному противостоянию соперничество США — КНР, которое становится драйвером и ключевой осью динамики мировой политики, экономики, безопасности. Претендуя на международно-политическое лидерство, ведущие центры силы могут вступать на этой почве в жесткую конкуренцию и кооперативное взаимодействие.

Прямое военное столкновение мировыми акторами рассматривается как неприемлемый вариант соперничества. Конкуренция, в том числе и жесткая, протекает в двух основных формах — попытках ослабить соперника путем непрямого воздействия и управляемого (во избежание эскалации) давления на конкурента в значимых регионах, нередко осуществляемого через недружественные страны, находящиеся в географической близости к объекту воздействия.

Ведущие глобальные и значимые региональные акторы вовлечены в так называемые гибридные войны, к которым неприменимы нормы международного права, определяющие понятие «агрессия». Этот вид конкурентной борьбы за новый миропорядок вызывает рост напряженности по многим направлениям, но не принимает форму открытой войны.

Новый тип конфликтов между ведущими странами мира зарождается и, видимо, стремительно будет развиваться прежде всего в связи с соблазном захвата частично освоенных и практически ничейных сфер деятельности, сулящих их обладателям огромные выгоды. Имеются ввиду возможности овладения общим достоянием человечества — обширными акваториями Мирового океана, космосом, виртуальной средой интернета. В упомянутых сферах отсутствуют очевидные собственники, нет четких юридических норм владения. Поэтому стремление к их присвоению накаляет атмосферу в международных отношениях и особенно между ведущими державами.

С начала 2000-х гг. объектом территориальных и ресурсных притязаний стало обширное пространство Арктики, куда входят Северный Ледовитый океан, северные части Европы, Азии и Северной Америки. Правовой режим региона определяется нормами международного права и национальным законодательством государств, имеющих официальный арктический статус, — США, России, Канады, Норвегии и Дании.

Разрушаются ранее относительно устойчивые параметры мировой политики, ограничивавшие колебания ее переменных составляющих. Дальнейшее накопление кризисных ситуаций, фрагментация мирового пространства безопасности приближают мир к «точке невозврата», за которой будет трудно, если вообще возможно, остановить и повернуть вспять процессы дестабилизации, предотвратить коллизии глобального масштаба.

При нынешнем состоянии мира немыслимая еще недавно масштабная война между ведущими державами может казаться вполне возможной особенно из-за конфликта на Украине, ставшего самым острым кризисом в Европе после 1945 г. В этой связи резонна мысль известного американского политолога-международника, Почетного профессора Колумбийского университета Р. Легволда о том, что «вероятность вырастания такой войны из происходящего на Украине может оказать некоторое положительное влияние, привнеся осторожность в растущее стратегическое соперничество между Соединенными Штатами и Китаем, облегчив путь к более серьезному стратегическому диалогу между ними и к обоюдному стремлению лучше управлять своими ядерными отношениями. Кроме того, зловещие уроки украинского конфликта могут заставить Индию и Пакистан, а также Индию и Китай задуматься о том, что, берясь за оружие, они каждый раз играют с огнем. Однако самыми важными

двусторонними ядерными отношениями остается взаимодействие между США и Россией...» [3].

Существующее гибридное состояние международной среды, сочетающее элементы порядка, хаотизации и турбулентности, на наш взгляд, следует оценивать как неустойчивое мироустройство, результат тектонических сдвигов в мировой политике. Это состояние может эволюционировать как в направлении миропорядка, так и нарастания неуправляемости. Применение к нему термина «мировой порядок» представляется не вполне корректным, основывающимся на преувеличении степени стабильности международной среды¹.

При множественности нюансов в интерпретации нынешнего состояния международной среды и перспектив ее эволюции в теории международных отношений (ТМО) просматриваются три наиболее вероятных сценария:

- 1) возникновение сложной многослойной миросистемы с конкурирующими и часто пересекающимися интересами, по выражению сотрудника исследовательской корпорации РЭНД М. Мазарра «смешанного» миропорядка [4];
- 2) становление «новой биполярности» (США — Китай) с соответствующей перегруппировкой государств;
- 3) сползание в хаос и воцарение неупорядоченного, неструктурированного «международного беспорядка», ситуации «игры без правил». В интерпретации известного американского эксперта Р. Хааса, этот сценарий означает «замену нынешней системы международных отношений беспорядочным взаимодействием автономных акторов» [5].

В настоящее время трудно предвидеть, в каком направлении будут развиваться события — становления и укрепления стабильного миропорядка или хаотического взаимодействия акторов, порождающего неуверенность в перспективах человечества. С нашей точки зрения, наибольшие шансы для реализации имеет сценарий трансформации ныне функционирующего неустойчивого мироустройства в быстро меняющийся плюралистический миропорядок с элементами биполярности (США — Китай). От целенаправленных усилий субъектов мировой политики по формированию стабильной международной среды, предотвращению глобального беспорядка во многом зависит будущее человечества.

Список литературы

1. Rosenau J.N. *Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity*. Princeton, 1990. 480 p.
2. Талей Н.Н. *Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости*: пер. с англ. 2-е изд. Москва: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2021. 680 с.
3. Легвольд Р. *Ядерное оружие и ядерная война: распространение и обладание // Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20, № 3. С. 100–104. EDN: JKYGMS doi: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-100-104

¹ С учетом накопленного объема знаний о феномене мирового порядка и исходя главным образом из нормативной и институциональной парадигм международно-политической науки, мировой порядок можно определить как совокупность принципов, норм и институтов, регулирующих поведение акторов мировой политики (прежде всего государств), обеспечивающих их основные потребности в безопасном существовании и реализации своих интересов, позволяющих поддерживать стабильность международной системы.

4. Mazarr M. The Once and Future Order. What Comes After Hegemony? // *Foreign Affairs*. 2017. January-February. Vol. 96, N. 1. P. 34–40.
5. Haass R. The Unraveling: How to Respond to a Disordered World // *Foreign Affairs*. 2014. November-December. Vol. 93, N. 6. P. 70–79.

References

1. Rosenau JN. *Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity*. Princeton; 1990. 480 p.
2. Taleb NN. *Black Swan. Under the sign of unpredictability*. Transl. from Engl. 2nd ed. Moscow: CoLibri, Azbuka-Attikus; 2021. 680 p. (In Russ.)
3. Legwold R. Nuclear weapons and nuclear war: proliferation and obliteration. *Russia in global affairs*. 2022;20(3):100–104. EDN: JKYGMS doi: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-100-104
4. Mazarr M. The Once and Future Order. What Comes After Hegemony? *Foreign Affairs*. 2017(January-February);96(1):34–40.
5. Haass R. The Unraveling: How to Respond to a Disordered World. *Foreign Affairs*. 2014(November-December);93(6):70–79.

Информация об авторах

Наум Михайлович СИРОТА — доктор политических наук, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия; eLibrary SPIN: 7312-5333. **E-mail:** sirotanm@mail.ru

Рамона Александровна ХОМЕЛЕВА — доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия; eLibrary SPIN: 6693-0424. **E-mail:** homeleva@yandex.ru

Information about the authors

Naum M. SIROTA — Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of History and Philosophy of the Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russia; eLibrary SPIN: 7312-5333. **E-mail:** sirotanm@mail.ru

Ramona A. KHOMELEVA — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History and Philosophy of the Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russia; eLibrary SPIN: 6693-0424. **E-mail:** homeleva@yandex.ru